

НЕ ПРОСИ

К. БЛЭКВУД

18+

К.Блэквуд

Не проси

«Автор»

2026

К.Блэквуд

Не проси / К.Блэквуд — «Автор», 2026

В вашем городе есть места, которые вы обходите стороной. Где в заброшенной промзоне слышен гул, которого не может издавать ни один механизм. А где-то -под вашими ногами обитает глубочайшая тьма, ожидая новых подношений. Здесь работают правила, о которых не пишут в трудовом договоре. Здесь не просят. Не благодарят. Не называют точного времени. «Не проси» — это книга в жанре хоррор, состоящая из полноценных историй, объединённых одной мрачной вселенной. За заброшенными станциями, и глубоко под землей живёт то, что умеет говорить голосами мёртвых, принимать форму ваших желаний и заключать договоры, которые вы не захотите исполнять. Те, кто этому противостоят — таинственная N.A. Её сотрудники не спасают. Не творят чудес. Они просто удерживают ночь ровно настолько, чтобы кто-то успел выйти. Для поклонников «Извне», «Чёрного зеркала», «Кабинета редкостей Гильермо дель Торо», Стивена Кинга и Джо Хилла. Кошмар, который остаётся с вами надолго после того, как перевернута последняя страница

© К.Блэквуд, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лучшее-туда	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

К.Блэквуд

Не проси

Глава 1. Лучшее-туда

Часть 1. Новый год

Антон с детства терпеть не мог бегать по кругу, но к тридцати с небольшим понял: есть вещи, против которых бессмысленно возражать. Он стал выходить в парк каждый вечер: сначала для того, чтобы стать выносливей и сбросить пару килограммов, потом — чтобы хоть на час скрыться от вечного гудения рабочих чатов, постоянных дедлайнов и ощущения, что жизнь проходит мимо него. Теперь эта вечерняя пробежка была его единственным способом сохранить свой рассудок и не разлететься на мелкие кусочки, не дать внутренней пружине окончательно лопнуть. Ощущение пустоты внутри ощущалось все сильнее с каждым днем.

Дорога в парк обычно начиналась с раздражения. Антон чертыхался под нос, если в ботинке оказывалась лишняя крошка, если зимняя куртка вдруг становилась тесной или шарф начинал казаться недостаточно удобным. Но стоило добежать до первой аллеи недалеко от моста, как раздражение начинало рассеиваться, уступая место какому-то странному безразличию, в котором неожиданно было очень уютно.

К декабрю в парке сталолюднее и громче. Дети катались на санках не только на детских горках, но и по замёрзшей траве, кое-где ещё торчавшей из под навалившегося снега, визжали, падали, потом вскакивали и катились дальше. Молодые родители, одетые в одинаковые пуховики, обсуждали акции в супермаркетах и подарки родственникам. Вечером толпа чуть редела, но всё равно сохраняла праздничную воодушевленность, словно приближающийся Новый год был обязательной, всенародной радостью, и не праздновать было запрещено.

Сегодня вечером парк показался Антону особенно завораживающим: перед новогодними праздниками его усердно украсили множеством ёлок, сверху донизу увешанных разноцветными гирляндами и причудливыми игрушками. Где-то народ лепил из мокрого снега волшебных персонажей популярных мультиков и сказок, а от ларьков аппетитно тянуло свежими хотдогами и горячей кукурузой. Запах смешивался с трескучим морозом, дымом и мокрой шерстью чужих варежек. Еловые ветки на обочинах аллеи провисали под тяжестью снега, роняя его неровными комьями на холодную землю.

Снег внизу, лежавший вдоль беговой дорожки, искрился тусклыми вспышками под редкими фонарями — в двух из них лампы давно перегорели, и между ними тянулись длинные полосы темноты. Удивительно, что при всем внимании к парку, фонарей, особенно не перегоревших, было немного. Игрушки на ёлках — некоторые покосившиеся, а кое-где даже с облупившейся краской — отражали цветные огоньки с ларьков, добавляя немного света, которого очень не хватало. Красные, зеленые, жёлтые блики плясали по белому снегу, ослепляющие, почти тревожные.

На своём обычном маршруте Антон думал сразу, как говорится, обо всем и ни о чем. Сегодня в основном о Новом годе — привычном всем празднике, который вроде давно перестал быть детским, а скорее временем, когда у взрослых есть пара выходных, но всё равно каждый декабрь делал вид, что может вернуть человеку прежнюю радость и беззаботность.

— Извините! Пр- пр- прошу прощения... у вас не найдется немного денег, пожалуйста? — внезапный, хрипловатый, будто с трудом выдавленный из опухших и воспалённых связок

голос мужчины резко вырвал Антона из его рассеянных, ни к чему не обязывающих новогодних размышлений.

Он даже не сразу понял, откуда взялась эта фигура, такой была внезапность ее появления в перетянутах гирляндами пейзаже парка. Она как будто материализовалась слева от беговой дорожки мгновенно и из ниоткуда: огромная, уродливая, грязная. Первым инстинктом было отпрыгнуть, отскочить куда подальше и ускориться, чтобы как можно быстрее уйти от внезапной угрозы, но ноги не слушались — в этот момент Антон понял, что просто прилип к месту, и застыл там, где его настиг неожиданный окрик.

Его поразило даже не то, что человек оказался настолько близко почти моментально — метра два, от силы три, — а то, что он не был на самом деле ни страшен, ни агрессивен. Это был, если отбросить всю чудовищность внешности, самый обычный бездомный, каких Антон видел в парке тысячи раз, особенно зимой, когда они сбивались в подобие стай возле ярко освещённых детских площадок и киосков с едой, попрошайничая у прохожих или просто греясь в теплых струях света. Но этот — явно новичок или, наоборот, ветеран, прошедший сквозь все возможные круги санитарного ада — был особенно велик ростом и какой-то нечеловеческой массивности.

На нем болталось чудовищно потрепанное шерстяное пальто, из-под которого торчал выцветший, местами прожжённый шарф, замотанный вокруг шеи так крепко, что казалось: чуть сильнее — и мужчина сам себя придушит. Он тянул к Антону ладонь, обтянутую драной перчаткой с отрезанными пальцами, и на этих пальцах виднелись какие-то наросты из серой, похожей на мокрую муку кожи, как будто их макнули в жидкое тесто и забыли об этом. Вторая рука — или то, что должно было быть рукой...скрывалась под пальто.

Сейчас же Антон почувствовал, как внутри него рождалось мерзкое, чужеродное ощущение — будто бы этот человек способен забрать у него больше, чем просто деньги или время.

Антон моргнул, и на долю секунды ему показалось, что за спиной бомжа колыхнулась тень. Не его собственная — та покорно лежала на снегу, придавленная светом одного из работающих фонарей, — а другая, огромная, бесформенная, которая не принадлежала ни человеку, ни дереву, ни чему-либо, что можно было бы назвать. Она как будто дышала и дрожала на снегу. Антон потряс головой, и тень исчезла. Остался только бездомный — грязный, здоровенный, с дрожащей протянутой рукой.

«Нервы», — сказал себе Антон, подсознательно пытаясь успокоить самого себя.

— Мне очень жаль... но я просто на пробежке, я не беру с собой денег, когда бегаю вечером — вырвалось у Антона слишком быстро и слишком громко. В своем голосе Антон услышал неуверенность и даже, наверное, отсутствие некой отваги. Он стоял, не отводя взгляда от лица бомжа, и с ужасом поймал себя на мысли, что перед ним не просто мужчина, а что-то как будто куда более древнее, вылезшее со страниц постсоветских страшилок о городских монстрах и пропавших без вести людях, навсегда потерянных под городскими мостами и в глубинах канализационных люков.

— Вообще ничего нет, даже карты, — добавил он уже немного тише, почти шепотом, как будто старался стать для собеседника менее заметным.

— Молодой человек, — сказал тот — и в голосе не было ни осуждения, ни злости, только усталость и какая-то удручающая обречённость, — ну вы посмотрите на себя! На вас дорогая спортивная одежда, у вас, наверняка, есть собственный дом, близкие люди, все в порядке и даже лучше, чем у большинства. А у меня — ничего, понимаете? Зима застигла врасплох, холодно. Я бы не стал вас тревожить, если бы не... — он немного понизил голос и, выдохнув, прикрыл рот тыльной стороной подрагивающей ладони: — ... у меня за углом маленькая дочь, ей очень плохо, а я не знаю, как ей помочь. Мне кажется, она заболела. Прошу вас, дайте хоть что-нибудь! Для нее! Пожалуйста.

Антон тяжело вздохнул и пытался вспомнить, что ему рассказывали о таких ситуациях коллеги: не вступать в разговоры, не давать денег, не делать резких движений, постараться уйти. Но вместо этого вдруг услышал собственный голос, сорвавшийся на полуторжественный фальцет:

— Я бы помог, честно, но... — он опустил глаза и вдруг почувствовал: если не сделает вообще ничего, то потом, всю оставшуюся жизнь, будет вспоминать этот разговор как самое большое предательство самого себя и своего призвания. — Я врач. Если хотите, я могу осмотреть вашу дочь. Я понимаю, это не деньги, но... может, я смогу чем-то помочь прямо сейчас.

— Вы... вы это серьезно? — бездомный отступил на шаг, и с надеждой посмотрел Антону в глаза. — Вы не шутите? Вы правда врач?

— Да, терапевт. Могу посмотреть, что с ней, — Антон сам не понял, почему так легко сдался, и тут же пожалел о сказанном: у него в голове уже нарисовалась страшная картина, как он стоит где-то на окраинах парка, окруженный толпой мутных личностей и вынужден спасать чужого ребенка, когда у него самого полно неотложных дел.

— Это тут рядом. Мы живем под мостом, там теплее из-за трассы сверху. Она очень слабая, кашляет и не ест ничего третий день. Я прошу вас, — он посмотрел на Антона так, что тот не смог бы отказаться даже если бы хотел, — потратьте несколько минут и посмотрите ее.

Антон молча кивнул. Ему вдруг стало неловко за свое нежелание и нерешимость помогать людям, и в то же время внутри него росла тревога: правильно ли он поступает, не обман ли это, не ловушка ли какая-нибудь? Он уже собрался сказать, что, может быть, проще вызвать скорую, но тут тот самый голос — не громкий, но властный — оборвал поток сомнений:

— Если что, вы так не переживайте, я ведь понимаю как это выглядит со стороны. Вы можете уйти в любой момент, я не держу вас, честно. Я только надеюсь на медицинский осмотр, и все.

Они свернули с дорожки, где ещё слышались звуки праздника и в воздухе витали запахи уличной еды, и пошли в сторону заросшего кустарником склона, где сам снег был грязнее, а земля — усеяна полупустыми пакетами, окурками и осколками стекла. Здесь, на границе парковой территории и городской заброшенности, все выглядело иначе. Не было уже ни веселых семей, ни нарядных ёлок, только куски асфальта, полусгнившие лавки и ещё более редкие фонари, чье едва заметное свечение не позволяло видеть сильно дальше вытянутой руки.

Антон то и дело наткался ногами на мешки с мусором — некоторые явно были кем-то вскрыты и тут же выкинуты обратно, другие валялись прямо на тропинке. Его провожатый шел впереди, не оборачиваясь, но, кажется, догадывался о его ощущениях.

Антон оглянулся на тропинку, по которой они уже шли некоторое время. Отсюда уже было почти не видно ларьков или разноцветных гирлянд. Он, наверное, еще мог развернуться и пойти назад, крикнуть кому-нибудь или попытаться извиниться, сказать, что передумал и убежать. Но вместо всего этого Антон просто поправил воротник куртки и пошёл дальше.

Спустя некоторое время, пробираясь через покрытые снегом заросли травы, ветвей и мусора, бездомный привел Антона в какое-то подобие самодельного гаража или домика под дорожным мостом неподалеку. Вокруг валялись различные картонные коробки, пустые пачки от сигарет, вскрытые банки консервов, потрепанная простыня и что-то, отдаленно напоминавшее подушку, насквозь промокшую и дырявую, какие-то грязные тряпки и прочий непонятный мусор.

В глубине этого хаоса было сооружено небольшое укрытие, из подручных средств. Сверху были фанерные листы, полом служили подгнившие доски, а стены были сделаны из железных панелей уже давно неработающих стиральных машин и прочей техники, которые можно найти на мусорных свалках.

Антон с ужасом представил, что внутри этого импровизированного домика лежит маленькая девочка, больная, нуждающаяся в немедленной помощи. По его телу побежали

мурашки от одной мысли об этом. Где-то в глубине души Антон знал, что тут не окажется ребенка, но он не мог пройти мимо.

Антон нагнулся и шагнул внутрь.

Пусто.

Он простоял так секунды три, глядя в угол, где должен был лежать больной ребенок. Там была только скомканная тряпка и сломанная, на первый взгляд старая, детская туфля без пары. Он на пару секунд замер, пытаясь осмыслить происходящее, все ещё выискивая глазами девочку, которой там никогда и не было. По всему телу Антона прошла леденящая дрожь, пальцы задрожали мелко и бессмысленно.

Он начал разворачиваться.

Удар биты пришёлся в висок раньше, чем он успел увидеть замах. Последнее, что зафиксировало сознание — хруст собственного падения и холод колючих досок под щекой...

Антон пришёл в себя не сразу — сознание возвращалось урывками, как полоски сигнала в мёртвой зоне.

Первым он почувствовал запах.

Не просто кровь или грязь. Что-то тяжёлое, металлическое, сладковатое, как в разделочном цеху, где забыли включить подачу охлаждения. Потом — темнота, почти полная, если не считать небольшого жёлтого пятна фонаря сбоку. Потом — верёвка на запястьях, грубая, мокрая, с торчащими волокнами, впившаяся так глубоко, что пальцы уже не чувствовали ничего, а на коже виднелись свежие кровоподтёки.

Он дёрнулся. Под ним скрипнули доски.

Это был не стол, а что-то наскоро сколоченное из старых дверей и тех же самых фанерных листов. По краям были прибиты жестяные полосы, а между ними темнели узкие желобки.

Антон догадался, для чего они нужны.

— Где... — голос вышел чужим, сирым. — Где ваша дочь?

Из темноты раздался мерзкий смешок.

— Нет у меня никакой дочери, док. Никогда не было.

В круг фонарного света вошёл бездомный.

Теперь он казался ещё больше. Пальто висело на нём тяжёлой грязной шкурой. Шарф туго обматывал шею. Лицо было мокрым от пота, хотя под мостом стоял мороз. Жёлтые зубы блеснули в кривой улыбке.

— Вы уж простите за обман. Да и за битую тоже. Но вы сами понимаете: по-другому вы бы не захотели остаться.

Антон хотел закричать, но горло сжалось. Он увидел вокруг десятки прозрачных банок.

Несколько — на ящике у стены. Потом остальные. Они стояли на полу, под сгнившими досками, на перевернутом ведре с дуркой сбоку, в нише между бетонной опорой и листом фанеры. Банки были наполнены мутной, непонятной жидкостью. В них явно плавали вещи, которые мозг отказывался признавать частями человека.

Глаз. Ухо. Пальцы. Зубы, засыпанные чем-то серым, похожим на соль. В одной банке что-то дрогнуло. Слабо, судорожно. Как хвост ящерицы, который уже оторвали, но он ещё не понял, что теперь он сам по себе.

Антон зажмурился.

— Понимаете, доктор, — сказал бездомный почти ласково, — целиком нельзя. Целиком оно плохо берёт. Давится. Нужны лучшие куски. То, чем человек жил. Чем видел. Чем слышал. Чем трогал. Чем помнил.

Антон открыл глаза.

— Кто... кто берёт?

Бездомный перестал улыбаться.

На мгновение на его лице появилась усталость. Страшная, старая, ставшей маской человека, который давно выполняет свою работу, ненавидит её и всё равно продолжает.

— То, что под городом, — сказал он сухо и монотонно. — То, что не должно подняться.

Где-то наверху проехала машина. Бетонный свод дрогнул. С потолка посыпалась серая густая пыль.

Антон дёрнулся снова, сильнее. Верёвки не поддались, а стянули запястья ещё крепче, раздирая тонкую кожу.

— Вы больной, — прошептал он. — То, что вы говорите - безумие. Вам нужна помощь. Бездомный кивнул.

— Вы правы. Нужна. Всем нужна.

Он отвернулся и взял с крюка инструмент.

Антон не сразу понял, что это. Сначала — металлический блеск. Потом — ручка, перемотанная изолентой. Потом — тонкое полотно пилы, с мелкими грязными зубчиками, словно пасть крокодила, который только что пообедал.

— Не надо, — сказал Антон. — Вам не нужно этого делать, прошу...

Голос его стал совсем тихим.

Бездомный подошёл ближе.

— Вы хороший, доктор. Очень хороший. С вами оно долго продержится.

Боль пришла раньше осознания.

Она была такой точной и такой невозможной, что первые секунды Антон не мог даже кричать. Потом воздух прорвался из груди, и крик ушёл вверх, в бетон, в арку моста, в морозный вечер, где любой звук рассеивался и становился частью бесконечного шума новогоднего вечера.

Бездомный работал быстро. Без удовольствия — с торопливой, предельной сосредоточенностью.

Он всё время бормотал себе под нос:

— Лучшее — туда. Остальное — вниз. Лучшее — туда. Остальное — вниз. Держится. Пока держится.

Антон почти перестал различать слова.

Последнее, что он увидел, была та самая детская туфелька без пары, лежавшая у самой стены. Розовый лак на носке облупился. Реквизит. Крючок. Маленькая ложь, которая пережила уже многих.

Потом жёлтый свет фонаря стал белым. Потом — чёрным.

А позже, когда парк окончательно опустел и наверху стихли последние хлопки петард и голоса, под мостом снова стало тихо.

Бродяга работал уже без спешки. Он не резал — разбирал. Для него в этом не было наслаждения. Это был давно выученный, необходимый ритуал.

Лучшее он складывал отдельно.

В маленькую банку ушло то, чем Антон смотрел на мир. В промасленную тряпку — то, чем слышал. Несколько коротких свёртков он перевязал тугой ниткой и положил в старую брезентовую сумку, такую потёртую, что она сама казалась найденной на помойке лет десять назад. Каждый свёрток он бережно прижимал к своему сердцу, почти нежно, будто внутри было что-то хрупкое и живое.

Остальное пошло в чёрный строительный мешок. То, что уже не держало памяти, было слишком тяжёлым и заметным.

Потом он полез в тёмную нишу между бетонной опорой и фанерой. Там, присыпанные снегом, лежали ещё два свёртка — старые, уже просевшие, перевязанные тем же тугим узлом. Он держал их здесь дольше, чем следовало. Ждал подходящего момента. Когда город окончательно ослепнет и потеряет бдительность после праздника.

Теперь времени было совсем мало.

В мешки все свёртки с кусками тел ударялись друг о друга глухо, неправильно, как мокрые поленья. Бродяга морщился, но не от отвращения — от усталости. Три жертвы за две недели. Слишком много крови, следов.

Обычно он относил такие пакеты подальше — к заброшенным контейнерам за промзоной, туда, где мусорщики не задавали вопросов, а собаки радовались очередному ужину. Но в этот у него не было сил. И Пустота под землей ворочалась нетерпеливо, требуя своё. Он завязал пакет, перекинул брезентовую сумку с самым ценным через плечо и вышел из-под моста.

Пакет он бросил не у контейнеров, а чуть дальше, у поворота на Старую Братиславскую, в незаметный сугроб между стеной и кучей строительного мусора. Снег быстро начал засыпать полиэтилен, делая его частью обычной городской жизни.

Потом бродяга вытер ладонь о пальто, поправил на плече сумку, поудобнее обмотался шарфом и пошёл, но не в сторону парка.

Он пошёл к Пролетарской.

За некоторое время до этого, буквально за углом по небольшой улочке с маленькой собачкой на поводке гуляла девушка, которая остановилась купить себе горячий кофе. На секунду ей послышался неподалёку крик, собачка наострила уши, а хозяйка лишь пожала плечами, сделала глоток, подумала о том, что у неё сегодня новогодний ужин и встреча с друзьями, и неспеша побрела дальше.

Часть 2. Дверь начала трещать

Чёрный мешок нашли спустя несколько дней — второго января.

Он был набит плотно, почти под завязку — так, что полиэтилен натянулся и поблёскивал на морозе. Внутри лежало то, что когда-то было людьми: обрубки рук и ног без пальцев, голова без глаз и ушей, и ещё кое-что, чему сразу не дали названия.

Обнаружил его пес, который радостно притащил хозяйке кусок кисти в своей пасти во время утренней прогулки. Полиция подъехала быстро, около восьми утра. Это было удивительно, учитывая, что праздники были в самом разгаре. Они долго не раздумывали — вызвали убойный отдел. Старший следователь Ян Смирнов появился на месте примерно через полчаса. Его вырвал из сна противный треск телефона и недовольный голос начальника:

— Угол Старой Братиславской, дом пять. Наряд уже там, это по твоей части, Ян. Соберайся и гони туда.

— Шеф, да я даже глаза ещё толком не открыл, а про завтрак вообще молчу.

— Поверь, аппетит сам пропадает, как только доберешься.

Короткие гудки.

Ян наспех натянул пальто, замотал шею, повидавшим мир серым шарфом, напялил первую попавшуюся шапку и поехал по адресу. Шеф оказался прав — есть расхотелось сразу. Пакет лежал на боку, раздутый до предела. Из разорванного края на холодный асфальт медленно вытекала темная густая жижа. Что именно торчало тут и там из пакета - не вызывало никаких сомнений. Сколько человек или их остатков было в этом пакете — непонятно. Пока криминалисты работали, Ян закурил и уставился в одну точку. Второе января. Мусорный пакет с человеческими останками — свежими, крысы ещё не добрались.

Дым сигареты поплыл перед глазами, и на секунду в мутном мареве за пакетом Яну почудилась фигура — оборванная, неподвижная, под два метра ростом, с желтыми гнилыми зубами в широкой ухмылке. Он резко потер глаза. Никого. Пусто. Показалось.

— ...Ян! Голос выдернул его обратно — будто кто-то дернул его за рукав и вытащил из под воды. — Ты вообще здесь? Сигарета вон до фильтра догорела, ты фильтр куришь. Совсем что-ли? Просыпайся давай.

Криминалист явно был не в духе — и немудрено, утро второго января, а он копается в мусорном мешке, набитый человеческим мясом. Ян его понимал.

— Да здесь я, твою мать. Задумался. Не каждый день видишь мешок с руками, ногами и прочим ассорти.

Криминалист кивнул, помолчал и продолжил:

— Там ещё кое-что нашли. Помимо очевидного — спортивные часы, остатки кроссовок и остальное по мелочам.

— Бред какой-то. Кто бы не снял такие часы с трупа?

— Вот и я не понимаю, Ян. Может его не деньги интересовали. Это уже твоя головная боль. Мы свое сделаем, а дальше — ищи своих мясников, людоедов, маньяков, или кто там это устроил.

Ян выбросил догоревший фильтр, подошел ближе, присел на корточки и протянул руку:

— Дай часы.

— Ян, ну улика же, не положено...

— Давай быстрее. Раньше начнем — раньше закончим. Не морочь голову.

Криминалист нехотя передал герметичный пакетик с часами. Ян повертел их в руках. Дорогая, известная модель, которую рекламируют на каждом втором баннере в интернете. Нажал кнопку — часы ожили. Батарейка еще держалась. Повезло. Покопавшись в меню, Ян нашел то, что искал. В журнале учета активности значилось: Антон Ярцев — 31 декабря, пройдено 1,3 км. Осталось выяснить, сколько ещё человек — или того, что от них осталось — упаковано в этот пакет.

В этот момент у Яна в кармане завибрировал телефон. Кто звонил - догадаться было не сложно.

— Ало, Ян, ну что там, давай только побыстрее и без особых деталей, сразу к сути. Появились какие-то новые подробности, мысли, зацепки?

— И вам доброго дня шеф...одну жертву уже установили. Антон Ярцев. Судя по информации из электронных спортивных часов, просто бежал по парку тридцать первого, а потом как-то лишился большей части себя.

— Супер. Именно этим я и мечтал заниматься в праздники. Ладно, подождём. Криминалисты установят точное количество жертв, причину смерти... — тут Ян не удержался и хмыкнул.

— Ян! Я понимаю, что там за пакет, но нужно выяснить, как именно это было сделано и кем. И быстро. Не мне тебя учить.

— Знаю, шеф, извини. Дерьмовое утро выдалось. Похожу ещё, осмотрюсь. С родственниками позже свяжусь.

— Хорошо. На связи. И, Ян — за всю мою службу такого не было. Разберись.

Гудки.

Ян вернул часы криминалисту, привалился спиной к ледяной кирпичной стене, закрыл глаза и снова закурил. Последующие дни обещали быть долгими...

Часть 3. И крысы не найдут выхода

Снег к обеду повалил гуще. Ян сидел в машине у обочины, не заводя двигатель, и смотрел, как ледяные хлопья оседают на лобовом стекле, превращаясь в мутные кляксы. Внутри было холодно, но выходить не хотелось вовсе. Он достал из бардачка небольшую папку, которую успел собрать ещё в отделе — пара распечаток с камер, на которых ничего не было видно, адрес проживания, телефон работодателя.

Антон Ярцев, тридцать два года, разведён, жил один в съёмной однушке на Братиславской. Терапевт в частной клинике. Бегал по вечерам в одном и том же парке, по одному и тому же маршруту — судя по приложению на часах, последние полгода без единого пропуска.

Ян провёл пальцем по фотографии из соцсетей. Лицо было живое, чуть усталое, с тем выражением, которое обычно бывает у людей, привыкших улыбаться пациентам через силу, протокольная вежливость. Он попытался представить себе это лицо на том, что лежало сейчас в чёрном пакете, и не смог. И слава богу.

Из кармана пальто достал блокнот — старый, потрёпанный, с резинкой, потому что компьютеру и телефону Ян не доверял с тех самых пор, как одно дело развалилось из-за исчезнувшего из базы файла. Дело было странное: школьный подвал, свидетели, которые утром уже ничего не помнили, и следы, которых исчезли со всех фотографий. Ян тогда списал всё на невнимательность и ошибки следствия. Почти списал.

Записал коротко, своим неразборчивым почерком: маршрут — один и тот же. Был ли знаком с убийцей? Маловероятно. Убийца готовился? Ждал? Да, скорее всего. Подчеркнул дважды.

Ян откинулся на спинку сиденья и закурил прямо в машине, опустив стекло на длину пальца. Дым тянулся наружу медленно, неохотно, как будто и ему не хотелось туда, где снег, трупы и мороз. Что-то в этой истории не сходилось с самого начала. Не часы — что-то другое, более сложное, чего он пока не мог нащупать. За десять лет в убойном Ян привык доверять этому ощущению — тупой, ноющей точке где-то под рёбрами, которая загоралась всякий раз, когда дело обещало быть не таким, как все остальные.

Сейчас она горела ровным, неприятным огнём.

Телефон завибрировал. Криминалист.

— Ян, ты сидишь?

— В машине сажу. А что?

— Жертв не одна.

Ян выпустил дым в щель и стряхнул пепел.

— Это было понятно. Сколько конкретно?

— Минимум три. Это по тому, что в пакете. Кости разные, не совпадают по возрасту и полу. Одна — твой Ярцев, тут вопросов нет, по зубам почти сразу подтвердили. Вторая — женщина, лет сорок. Третья — пока не знаю, фрагменты слишком мелкие. И, Ян...

— Ну?

— Это всё свежее. Все трое — за последние две недели, край — три. Понимаешь, о чём я?

Ян понимал. Он медленно стряхнул остатки пепла в окно и выбросил в окно уже тлеющий окурок, не сводя глаз с расплывающегося пятна на лобовом стекле.

— То есть он работает быстро.

— Очень.

Криминалист помедлил, перевернул один из фрагментов пинцетом, поднёс ближе к лампе и немного хриплым голосом произнес в трубку:

— И, Ян... тут ещё кое-что. Края ран — они не резаные.

— Продолжай.

— Там, где конечности отделяли, — да, инструмент. Пила, возможно. Грубо, но уверенно, там края рваные. А вот места, где отсутствуют глаза, уши, пальцы, часть мягких тканей... там другое.

— Что другое?

— Края другие.

— Точнее?

Криминалист ещё немного помолчал и ответил.

— Ожоговые. Как будто плоть не вырезали, а выжгли изнутри. Я не знаю инструмента, который оставляет такие следы.

Ян поблагодарил, отключился и какое-то время сидел неподвижно. Снег уже завалил всё стекло, машина превратилась в маленькую белую коробку, посреди снежной пустыни, отрезанную от мира. Он подумал, что это, наверное, неплохо — побыть пять минут отрезанным.

Потом завёл двигатель.

Ехать нужно было в клинику, где работал Ярцев. Опросить коллег, выяснить, не было ли врагов, не угрожал ли кто, не вёл ли подозрительных пациентов, которые остались недовольны обслуживанием. В общем стандартный набор вопросов, на которые в девяти случаях из десяти получаешь такие же стандартные ответы: «нет, что вы, он был такой хороший». Ян знал это наизусть.

Но сейчас его больше интересовало другое. Убийство произошло в достаточно людном месте, можно сказать, на глазах у всех, но никто ничего не видел и не слышал. Если так, значит убийца был хорошо подготовлен и делал это, скорее всего не в первый раз. Но он должен был сделать ошибку, хотя бы одну, допустить досадный просчёт. И Яну нужно было найти эту ошибку.

Он развернулся, чуть пробуксовав на снегу, и поехал обратно — к парку.

У входа в парк его встретил тот же сержант, что дежурил утром, — молодой, краснощёкий, с примёрзшими к воротнику снежинками.

— Товарищ старший следователь, тут это... — он замялся. — Тут женщина пришла. Говорит, видела что-то тридцать первого вечером. С собакой гуляла.

Ян остановился.

— Где она?

— В будке у охраны греется. Сама пришла, по своей воле, как новости услышала.

— Веди.

Будка охраны была тесной, прокуренной, с чайником на тумбочке и иконкой над дверью. Женщина сидела на краешке стула, прижав к себе маленькую лохматую собачонку, которая недоверчиво поглядывала на Яна снизу вверх. Самой женщине было лет тридцать пять, в дорогом, но неаккуратно надетом пуховике, без макияжа, с покрасневшими то ли от холода, то ли от слёз глазами.

— Здравствуйте, — Ян присел на край стола напротив, чтобы быть с ней на одной высоте. — Смирнов, старший следователь. Расскажите, что видели?

— Я не видела, — сразу сказала она. — Я слышала.

Ян достал блокнот.

— Рассказывайте. Я буду записывать важные детали, если Вы не против.

— Нет-нет, делайте как Вам удобно. Я тридцать первого вечером гуляла с Тошей... с собакой моей, — она кивнула на животное. — Я остановилась у ларька, кофе взяла. И тут крик. Один. Далёкий, но очень отчётливый. Не как когда кто-то навеселе. Другой.

— И какой же?

Она долго молчала.

— Как будто человек не просто испугался. Я никогда раньше не слышала таких криков в своей жизни. Сложно описать, это было ужасно.

Ян записал это слово в слово.

— Было что-то ещё?

— Да. Какой-то скребущий звук... будто пила. Не электрическая — ручная, с тихим металлическим присвистом. Я ещё подумала: кто же под Новый год под мостом доски пилит? А потом Тоша начал скулить, и я пошла быстрее.

Ян записал, не поднимая головы. Рука его, против воли, чуть дрогнула на «это было ужасно». Он перечитал — почерк разъехался, последняя буква уползла за поля.

— Понятно, что вы сделали потом?

— Дальше я... — она сглотнула. — Я... понимаете, я подумала — ну мало ли, праздник, может, кто-то развлекается. Тоша начал скулить, а я... я просто пошла. У меня ужин был, друзья ждали. Сами понимаете, Новый год...

Ян поднял глаза. В будке было душно, на стекле изнутри собирался иней от их дыхания, чайник на тумбочке тихонько щёлкнул, остывая.

— Во сколько это было?

— Кофе я взяла в десять минут седьмого примерно, у меня в чеке должно быть. Минут через пять услышала крик и этот противный железный звук.

— Где именно? Помните?

— Со стороны моста. Там, где дорожный переезд, под которым склон с кустами. Я на эту сторону вообще никогда не хожу, там темно и... ну, там бомжи всегда.

Ян медленно закрыл блокнот, не дописав. Слово «бомжи» осело где-то внутри, тяжело, как мокрый снег на ветке. Он вспомнил жёлтые зубы, которые ему померещились утром в дыму над пакетом, — и тут же оборвал себя. Померещились. Хватит.

— Вы кому-нибудь рассказывали о случившемся?

Она покачала головой.

— Только мужу, ночью уже. Он сказал — ерунда, кому ты будешь звонить в Новый год с криками непонятными. А утром... утром я в новостях прочитала. Что нашли труп. И поняла, что это, наверное, было оно. — Она посмотрела на Яна почти умоляюще. — Скажите, я могла бы...

— Вы ничего не могли, — сказал Ян, и сам удивился, как ровно это прозвучало. — Если бы вы туда пошли, у меня было бы два пакета.

Она кивнула, опустив глаза. Тоша лизнул ей запястье.

Ян поднялся, поблагодарил, взял номер, попросил завтра подъехать в отдел подписать протокол. Вышел из будки, сильно хлопнув дверью. Иконка над дверью затряслась, но удержалась на месте.

Холод после прокуренной духоты ударил в лицо так, что заслезались глаза. Он постоял так минуту, глядя на парк — на заснеженные ёлки, на тёмные провалы между фонарями, где две лампы давно не горели.

Шесть пятнадцать. Тридцать первое декабря. Крик со стороны моста.

Ян решил не терять времени и пойти туда самому — не вызывая никого. Сержант хотел что-то сказать вслед, но осёкся, увидев, как старший следователь идёт с очень грозным выражением лица.

Под мостом снег был утоптан. Не то чтобы тропа — просто следы, много следов, разной обуви и размеров. Они путались, перекрывали друг друга, было почти невозможно понять откуда и куда они вели. Ян присел, осветил фонариком телефона. Ожидаемый набор - бутылки, окурки, рваный пакет из-под чипсов. Обычный мусор самой обычной зимы. Но чуть дальше, в углу, где бетонная опора уходила под арку, виднелось что-то более организованное: коробки, сложенные одна в другую, обрывок простыни, торчащий из-под снега угол фанерного листа. Не дом. Скорее ловушка, замаскированная под жильё.

Он подошёл ближе, и ноющая точка под рёбрами, та самая, разгорелась так, что он на секунду остановился перевести дыхание.

Запах. Он ударил в ноздри первым.

Слабый, выветрившийся, забитый сверху сыростью и бензином от дороги, — но он был. Тот самый, металлический, приторный, какой Ян помнил по моргу и по нескольким очень скверным квартирам за десять лет службы. Ян натянул перчатку, осторожно отвёл в сторону угол фанеры.

Под ней, на подгнивших досках, темнело пятно — большое, неровное, по краям уже пожелтевшее от снега, а в середине ещё бурое. Рядом валялась детская туфелька. Без пары, с облупившимся розовым лаком на носке.

Он смотрел на эту туфельку дольше, чем стоило бы. Потом достал телефон, но не стал никому звонить — сначала сфотографировал. Раз, другой, под разными углами. Туфелька была старая, года три ей, не меньше. Лак облез точно не вчера.

Ян мысленно поймал себя на слове: «реквизит».

И сразу пожалел, что оно вообще пришло ему в голову.

Он выпрямился, обвёл фонариком стены. На бетонной опоре, на уровне глаз, что-то нацарапано. Не граффити — слишком мелко, да и на художественную инсталляцию тоже было не похоже. Ян подошёл вплотную.

Цифры. Столбиком. Даты — числа, месяцы, кое-где — год. Самая ранняя — двадцать девятое декабря две тысячи двенадцатого. Самая поздняя — тридцать первое восемнадцатого, в углу, ещё совсем свежая, с бетонной пылью по краям.

Ян пытался посчитать, но постоянно сбивался. Считал заново. Итого у него получилось двенадцать надписей.

Потом он посветил внимательнее и заметил то, что сначала принял за одну надпись: последние три даты стояли плотной связкой. Не годовой интервал, не привычный зазор между отметками, а почти одна под другой. Середина декабря. Двадцать седьмое. Тридцать первое. Три свежие жертвы.

Антон был не единственным за последние недели. Он был последним.

Ян отступил на шаг, упёрся спиной в холодный бетон противоположной опоры и медленно сполз по нему на корточках. Достал сигарету, не закурил — просто повертел ее между пальцев, а потом засунул за ухо. Снег ровно и неспешно падал с неба, забивался под воротник, таял на шее.

Двенадцать дат. Не все — тридцать первое, но все — конец декабря или первые дни января. Время, когда город шумит, пьёт, забывает и почти не слышит никаких посторонних шумов, а криков — тем более.

Никого из жертв не нашли. Эта мысль плотно засела у Яна в голове.

Двенадцать зарубок. И место под тринадцатую — слева, чуть ниже последней даты, бетон там был зачищен, светлее остального. Место ждало следующей жертвы.

Ян сделал ещё одну фотографию, уже этого зачищенного пятна, и отправил себе же на почту. Привычка — не доверять ни одной базе, кроме собственного ящика и блокнота на резинке.

Были дела. Конечно, были. Пропавшие, неопознанные фрагменты, заявления, которые закрывали за давностью или перекидывали из папки в папку. Но никто не сложил их в единое целое и не увидел в этих зимних исчезновениях организованный счёт.

Двенадцать человек пропали из города, в котором жил Ян, в котором он работал уже много лет, — и город не заметил ни самих смертей, ни связи между ними.

Ян провёл ладонью по лицу. Перчатка пахла бетонной пылью и чем-то ещё, чему он не хотел давать названия.

Потом встал, вызвал по рации криминалистов, продиктовал координаты. Голос был спокойный, рабочий. Точка под рёбрами горела ровно.

Пока ждал, ещё раз посветил фонарём по углам. В дальнем, где стенки сходились в темноту, луч выхватил из снега ещё одну деталь — мелкую, не сразу понятную. Ян нагнулся, подсветил ближе.

Зуб. Человеческий, коренной, с серой пломбой. Он лежал отдельно, в стороне от пятна, как будто кто-то случайно выронил его, переходя из угла в угол, и не заметил пропажи.

Ян не стал его трогать. Только сфотографировал — сначала общий план, потом крупно, так близко, что на экране стала видна серая пломба.

— Ребята, — сказал он в рацию, не отрывая взгляда от зуба, — здесь ещё один вещдок. Зуб. Не затопчите.

Криминалисты забрали зуб позже уже при нём: пинцет, пакет, маркировка, подпись. Всё как положено. Ян даже запомнил номер на бирке — не специально, просто цифры сами врезались в память.

И всё равно, когда пакетик исчез в чемодане эксперта, у Яна осталось чувство, что зуб никуда не уехал. Что он всё ещё лежит там, в грязном снегу, и ждёт, когда его снова найдут.

Где-то наверху, по мосту, прошла фура, бетон под ногами тихо дрогнул, со свода посыпалась тонкая пыль. Ян поднял голову. На внутренней стороне арки, прямо над тем местом, где он недавно сидел на корточках, висело что-то тёмное — большое, продолговатое, привязанное за верёвочку к ржавому крюку. Он не сразу понял, что это, и пришлось подсветить фонариком ещё раз.

Сначала он подумал, что это тряпки. Потом фонарь зацепился за хвост. И ещё за один. Под сводом висели крысы. Десятки. Связанные в одну тяжелую, отвратительную, медленно покачивающуюся массу. Из их челюстей вниз до сих пор текло что-то мерзкое, изредка капая на и без того грязный снег под ногами.

Ян обвёл фонарём бетонную арку. Сначала он решил, что это просто царапины — кто-то ковырял стену от скуки. Но линии не пересекались случайно. Он подошёл ближе. Это были не буквы. И не цифры.

Тонкие, аккуратные борозды уходили в бетон на глубину ногтя. Спирали, замкнутые круги, короткие насечки, выстроенные в повторяющиеся связки. Узор не распался — он держался, как будто подчинялся какому-то правилу, которого Ян не понимал.

Ян медленно повёл лучом дальше. Символы шли вдоль всей арки. Не хаотично — полосами. У него неприятно сжалось внутри.

— ...чёрт.

Он отступил на шаг, чтобы увидеть всё сразу. И только тогда заметил, что знаки расположены не просто рядами. Они сходились вниз, к центру. К тому самому месту, где на досках темнело бурое пятно.

Как будто всё здесь — стены, пол, даже мусор — было выстроено вокруг одной точки.

Здесь отметки были вписаны в знак. Как будто каждая — часть чего-то большего.

Он попытался уловить логику — хотя бы повторение, закономерность, но ничего не вышло.

И всё же было ощущение, что если смотреть дольше — рисунок начнёт складываться во что-то понятное. Во что-то напоминающее треугольник, внутри которого была багровая открывающаяся дверь.

От этой мысли стало не по себе. Ян резко отвёл взгляд.

Фонарь дрогнул в руке, луч скользнул выше — туда, где бетон уходил под свод.

На секунду ему показалось, что линии там глубже. Грубее. Как будто их делали не тем же инструментом. Или не той же рукой.

Он сжал фонарь крепче.

— Хватит.

Ян сказал это вслух, сам себе.

Он провёл фонариком ниже и увидел след волочения. Старый, но не полностью заметный. Что-то тяжёлое тащили от укрытия к боковой тропе, дальше — туда, где начиналась Пролетарская. След был прерывистым: там, где снег расчистили дворники, он исчезал, а там, где начиналась грязная наледь, появлялся снова.

Ян замер.

Теперь картина становилась проще и от этого страшнее. Под мостом не просто жили. Сюда заманивали и здесь убивали. А потом ненужное выносили туда, где город сам помогал спрятать следы: к мусору, к сугробам, к собакам, к утренним прохожим, которые не смотрят под ноги, пока им что-нибудь не принесёт их пёс.

А «лучшее», чего не хватало на обнаруженных частях в найденном пакете, исчезало куда-то дальше. Куда — Ян пока не знал...

Уже отходя, Ян открыл блокнот, чтобы записать расположение.

И только через несколько секунд понял, что вместо схемы выводит на полях тот самый знак, который уже начал проступать в линиях на бетоне — треугольник с дверью.

Он выругался, резко зачеркнул страницу и захлопнул блокнот.

Сирена послышалась далеко, со стороны входа в парк. Криминалисты ехали быстро. После того как Ян лично проследил за тем, чтобы про найденный зуб не забыли и забрали куда нужно, он потушил сигарету о подошву и спрятал окурочек в карман, чтобы не мешать своим же коллегам, и вышел из-под моста на снег. Уже темнело, хотя по часам было всего около четырёх. Фонари вдоль аллеи начинали загораться один за другим, но два по-прежнему не работали — те самые, между которыми тянулась полоса темноты.

Он стоял и смотрел на эту полосу, и думал, что Антон Ярцев тридцать первого вечером пробегал ровно через неё. И что если бы хоть одна из ламп горела, может быть, никакого пакета на углу Старой Братиславской второго января бы не было.

А может быть, всё равно был бы. Потому что человек, который шесть лет ведёт счёт на бетоне, лампочку себе бы точно смог поправить.

Ян достал телефон, нашёл в контактах номер начальника. Поднёс к уху. Пока шли гудки, смотрел, как снег засыпает следы, которые он сам только что оставил у входа под мост. Засыплет быстро, аккуратно, как будто кто-то давно научил эту зиму подчищать за собой.

— Шеф, — сказал он, когда трубку взяли. — Нам нужно поднимать архив. Все висяки по пропавшим без вести по округу. За шесть лет.

В трубке молчали несколько секунд.

— Сколько, ты говоришь?

— Двенадцать жертв.

Снова молчание. Потом — короткий, усталый выдох.

— Жду в отделе через час.

Ян убрал телефон. Постоял ещё немного, глядя на тёмный зев под мостом, откуда уже выходили двое в белых комбинезонах с чемоданчиками. Один из них, увидев его, поднял руку — мол, заходим, работаем. Ян кивнул в ответ и пошёл к машине. На сегодня он уже нарабатался, пусть сами дальше разбираются.

По дороге он поймал себя на том, что считает шаги. Не специально — просто считает, как будто кто-то внутри него начал и не может остановиться. Один, два, три. До машины оказалось сто пятнадцать. Он сел за руль, захлопнул дверь и сидел ещё минуту, не заводя.

В голове, помимо его воли, складывалась простая, неприятная арифметика. Если двенадцать за шесть лет — это в среднем два человека в год. Но последняя зарубка стояла впритык к предпоследней, всего в нескольких сантиметрах, без зазора. Криминалист сказал — три тела за две недели. Значит, в этот сезон он работал чаще. Не раз в год, не по старому ритму. Что-то изменилось.

Внутри у него уже складывалась карта: парк, мост, укрытие, даты, след волочения, промзона, Пролетарская.

Под мостом людей убивали, но это была не финальная точка. Это был лишь перевалочный пункт.

Ян завёл двигатель. Дворники тяжело пошли по стеклу, сгребая в стороны полусантиметровый слой снега. Под мостом, в зеркале заднего вида, мигнула вспышка криминалистской камеры — раз, другой. Он отвёл глаза.

В отделе его уже ждали.

Часть 4. Периметр

В отделе царил после-праздничная безлюдность. Большинство кабинетов были закрыты, в коридоре пахло только пылью, дешёвым кофе и чем-то резиновым — Ян вспомнил, что на этаже меняли линолеум, вроде обещали к Новому году закончить, но не успели. На входе в оперативный отдел сидело сразу трое: Серёга Чеботарёв, долговязый и синюшный — после запоя, судя по виду. Сашка, опер без внутреннего стержня и без имени, на все дела всегда сливался в тень. Ян никогда не мог понять, что Сашка вообще забыл на такой работе; и Жанна, секретарь, в облезлой шубке и с золотыми ногтями, как зимняя морошка — кислая и при этом абсолютно необходимая. Они встретили Яна с тем напряжённым равнодушием, которое бывает только в провинциальных райотделах: мол, ты тут ходишь весь такой важный со своими вечными просьбами, а у нас дела и так по горло.

— Получилось, — пробурчал Серёга, сразу не глядя, — мы по твоему запросу пробили по архиву. На.

Он протянул один лист А4, напечатанный криво, с оборванными полями. На странице — таблица с двумя десятками фамилий, дат и кратким описанием. Ян подошёл, взял бумагу и присел на край Жанниной стойки. Лист сразу пропитался её едким, тёплым запахом: лак для волос, кофе три в одном, сигареты с запахом ванили.

— Ну? — спросил он громко, чтобы не казалось, будто читает только для себя.

Серёга смерил его мутным взглядом:

— Двенадцать — по твоей линии. Остальные мы скинули для сравнения, но там, скорее, бытовуха или просто убежали из дома. Основное — здесь.

Ян прочитал первый абзац. Пропавшие лица. Каждый — отдельная жизнь, отдельный провал на месте, где должна быть жизнь, но ее там не было. Мужчины, женщины, подростки, от силы два случая, оба с московскими прописками, по факту - сироты. Один — «Марина Л.», тридцать лет, волонтер, пропала два года назад как раз накануне зимних праздников. Другой — «Карасёв В., шестнадцать лет», даже не закончил ПТУ. Везде по описанию: «без вести», «не обнаружено тело», «родственники не обращались». Ян снова посмотрел на даты у самого низа списка. Почти каждый раз — конец декабря. Иногда тридцать первое. За год до этого — двадцать девятое, но в общей картине это ничего не меняло. Стало как-то не по себе.

Он понимал, какими были эти зимние вечера: темнота в парке, никого кроме случайных пьяниц или таких же бегунов, упирающихся в финальный спурт перед праздничным столом. Он представлял себе, как легко и удобно вырезать таких людей из жизни города, не оставляя места даже крику на морозном воздухе.

— Где по этим делам опросные? — спросил Антон, взглянув на Серегу.

— В архиве или у Леднёва, я у него всё брал. Но ты лучше к начальству сходи — тебя там уже ждут. Если не хочешь бесить шефа - иди прямо сейчас.

В голосе Серёги была почти зависть, замешанная на усталости. Ян пожал плечами, взял лист, ещё раз быстро пробежался глазами по всем строкам, и пошёл дальше: мимо мёртвых кабинетов, мимо чужих пальто, оставленных поверх батарей.

Дверь у кабинета начальника была приоткрыта. Там стоял тихий звон, как будто кто-то не до конца опустил крышку на чашку с чаем. По другую сторону дверей он застал Полякова: мужчина лет пятидесяти, с вечно красными щеками (не от мороза, от постоянного давления),

в руках держал два мобильника и печатал на каждом из них сразу двумя большими пальцами. Выглядело забавно. Не хватало только шапочки из фольги.

— И? — не глядя спросил Поляков, когда Ян вошёл. — Что у тебя по нашему мяснику?

Ян присел напротив и положил лист на стол между ними. Поляков кивнул — читал быстро, но ни разу не моргнул.

— По фактам: двенадцать жертв, интервал — от полугода до года, всегда конец декабря. Совпадают район, сезон и тип жертв. Конец декабря, одиночки, люди без плотного круга близких или знакомых. Тела в большинстве случаев не находили. Иногда всплывали фрагменты, но их не связывали с пропавшими. Вот эти двое — студенты. Вот эта — преподаватель. Вот...

Он ткнул в фамилию: «Мусаев С., тридцать три года, работал в больнице».

Поляков поставил один из мобильников на беззвучный и отодвинул лист обратно Яну.

— Ладно, что дальше? Есть рабочая версия?

Ян замолчал. Он перебирал в уме всё, что видел сегодня — свет фонарей над парком, детскую туфлю, цифры на бетоне, подвешенных крыс, непонятные знаки.

— Убийца — не просто садист, — сказал он. — Это ритуал. Каждый год, ровно перед праздником, в одном и том же месте. Готовится. В этот раз три тела — значит, что-то его спровоцировало. Может, паника или что-то другое. Но мотив — не спонтанный, не бытовой. Он больше похож на... культовый. Поляков усмехнулся, покачал головой.

— Культ? Ты серьезно?

— Не в том смысле, как в кино...

Ян старался подбирать слова, чтобы не прозвучать идиотом.

— У него есть система. Он оставил везде под мостом странные узоры и знаки, реквизит — всё, как по правилам. Ни одна деталь не сбилась за шесть лет. В прошлый раз, когда такое было, — он перебрал в памяти старые дела, — это были сектанты на окраине — помнишь, те, что убивали котят и молились на их статуи из воска? Только здесь всё чище, и жертв никто не ищет.

— Думаешь, не одиночка?

— Пока не знаю. Слишком продумано. Возможно, одиночка, но с большим опытом и подготовкой.

Поляков подумал, потом понизил голос, хотя в почти пустом отделе это не имело значения.

— Есть одна идея. У меня есть знакомый... он, скажем так, раньше работал по линии религиозных организаций. Проблемные группы, всякое такое. Я могу кинуть ему наводку, пусть посмотрит, не было ли в округе чего-то похожего. Только, Ян, без шума. Не хочу, чтобы нас потом тягали за яйца в прокуратуре, если мы не докажем, что это не просто маньяк-одиночка.

Ян кивнул. Всё равно другого варианта не было.

— Дай номер, я сам с ним свяжусь.

Поляков рывком вырвал из блокнота листок, быстро нацарапал фамилию, телефон и каким-то образом даже подпись — словно для себя, чтобы потом не забыть. Ян взял листок, сунул во внутренний карман.

— Езжай, — махнул рукой Поляков, — и будь осторожнее. Если ты прав по поводу всех этих оккультных историй, лучше не высывайся без напарника. Возьми хотя бы Сашку этого, если захочешь, он хотя бы молчит и не мешает под ногами.

Ян только усмехнулся, вышел, потирая плечи — изнутри всё саднило, как будто с утра подтягивался на турнике, а не светил фонариком на чётр знает что.

В коридоре выключили свет, лампы моргали тускло, в туалете за стеной кто-то сливал воду, шумно и долго. Ян дошёл до своего стола, набросал на листе короткий план — пункты, как всегда, без глаголов: «Парк — логово под мостом — свидетели», «Криминалист — не одна

жертва», «Телефон — контакт Полякова». Отметил всё, что уже сделал, и то, что делать совсем не хотелось. Он позвонил по номеру, что дал Поляков, хотя в душе надеялся, что не поднимут. Но ответили на первом же гудке — голос высокий, неприятный, с хрипотцой, как у людей, которые всю жизнь разговаривают в прокуренных коридорах о тайном и явном.

— Да, — коротко. — Это Смирнов, убойный. У Полякова спросите, если что. Мне нужна инфа по оккультным организациям в районе. Не массовым, а закрытым. Интересует всё, что связано с Новым годом как датой, символикой крови, треугольников и закрытых дверей, крыс, жертвоприношений.

Ян сам слышал, как это звучит, и ему захотелось бросить трубку, пока не поздно.

— Понял. Есть время?

— Я жду.

Голос на том конце помолчал.

— Я перезвоню через двадцать минут.

— Ок.

Ян бросил телефон на стол. В голове пульсировал шум — не тот, что бывает после недосыпа, а плотный, тянущийся из затылка к глазам, как растекающееся масляное пятно. Он понимал, что в этой истории будут ещё жертвы, и что теперь, когда цепочка стала очевидной, времени у него всё меньше и меньше. Жанна, проходя с кипой бумаг мимо, бросила на него взгляд — оценивающий, как на человека, который может и не дожить до конца смены. Ян мысленно послал ее куда подальше, но вслух не сказал ничего, а следовало. Через двадцать минут, как и обещали, номер снова зазвонил. Ян поднял сразу.

— Слушай, я решил не «оккультные организации» пробить, — сказал голос. — С таким словом только журналисты работают. Я смотрел НКО, клубы психологической помощи, эзотерические кружки, религиозные группы, старые договоры аренды по муниципальному имуществу. Всё, что могло прятаться под приличной вывеской.

— Что-то нашёл?

— Три совпадения по району. Два можешь вычеркнуть: детские студии, свечи, медитации, обычная городская дурь. Третье — интереснее. «Институт перехода». Формально клуб взаимопомощи. Одиночество, кризисы, работа с утратой, всё такое. Членство по рекомендации. Встречи зимой чаще, чем летом. Адрес — бывшая котельная на Пролетарской. Подвальное помещение.

Ян записал адрес.

— Это ещё не всё, — сказал голос. — В их регистрационных бумагах ничего криминального. Но в старом арендном деле есть приложение. Не устав. Не религиозный текст. Больше похоже на технический акт, который кто-то по ошибке подшил не туда.

— Что в нём?

— Схема подвального помещения. Несколько отметок. И знак, который ты описал - Треугольник. Внутри — дверь. Рядом сокращение N.A. Больше особо ничего нет.

Ян почувствовал, как под рёбрами снова заняло.

— Что значит N.A.?

— Не знаю. И знать не хочу. Но будь осторожен.

Голос замолчал.

На следующий день Ян поехал на Пролетарскую часам к семи вечера — знал, что днем там делать нечего, вокруг промзона, пара оптовых складов с закрытыми заборами и безликое море припорошенного грязью льда. Котельная торчала из под снежной шапки у дороги, обнесённая ржавой сеткой-рабицей. Во дворе стоял грузовик с мутными стёклами, и пара фигур курила за сараем, утопая в хлопьях мокрого снега, но оба повернулись спинами, не глядя на него.

Ян сверился с навигатором: подвал, дальше вдоль забора, отдельный вход с торца. Он нажал на тормоз, заглушил мотор и долго сидел, обдумывая, с чего начать. В голову лезла тупая мысль: если всё и правда так, как кажется на первый взгляд, сейчас его впустят — и больше никто не увидит. Разве что в сводке новостей в очередном пакете с кусками тел.

Он набрал Сашку в последний момент, на всякий, и сказал: «Слушай, я тут по этому делу пригнал на Пролетарскую сам, не буду тебя дергать, но если слишком долго не буду выходить на связь - звони шефу и вызывайте отряд». Сашка промычал что-то невнятное, но Ян услышал в голосе дрожь — тот, похоже, тоже не горел желанием лезть в подвал к потенциальным сектантам или сатанистам. Ян бросил телефон в карман, вылез, натянул воротник и пошёл по тропинке, расчищенной до асфальта.

Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах. Гари, железа, чего-то жёсткого, сладкого, понятного только тем, кто хотя бы раз бывал на скотобойне или в морге на следующий день после вскрытия. Его никто не встречал. Дверь в подвал была тяжёлая, явно не родная, и на уровне глаз кто-то нацарапал: «Не входи, если не уверен». Ян усмехнулся, толкнул. Внутри пахло крепче, чем снаружи.

Он спускался по бетонным ступеням, подсвечивая себе телефоном — свет был только дальше, за дверью, к которой вела чёрная стрелка, криво и неумело нарисованная краской на стенах тут и там. В самом низу лестницы Ян остановился. За дверью слышались голоса — не выкрики, не мантры и заклинания, а обычная глухая вязкая болтовня, как бывает в душевой раздевалке спортзала: смех, хлопки по плечу, сдержанные переговаривающиеся голоса. Он ждал не этого. Ян готовился к органной музыке, скрежету ножей и истошным крикам.

Ян толкнул дверь. В нос ударило тепло и запах кофе. В свете лампы сидели человек пятнадцать, не больше, — кто в старых свитерах, кто в майках с растянутым воротом, кто в строгих рубашках. Как в народном клубе выпивох, только лица другие — не заплывшие, не припухшие, а сухие, как будто высушенные ветром. На столе стояли пластиковые стаканчики, пара коробок дешёвых пряников, и ещё доска с нарезанным белым хлебом. Секунду Ян подумал, что ошибся адресом. Один из мужчин — худой, с чёрной бородой, — сразу поднялся, улыбнулся почти по-отечески:

— Добрый вечер. Вы к нам? Первый раз вижу новое лицо.

Ян назвал фамилию, протянул удостоверение. Мужчина даже не посмотрел, только кивнул:

— Следователь... Да, нам говорили, что когда-нибудь могут возникнуть вопросы. Проходите, присаживайтесь. Я — Аркадий. Старший клуба.

Ян сел на край жесткой лавки, не убирая руки с телефона. Он глядел по сторонам: стены белёные, но кое-где проступали бурые пятна, на полу - безукоризненная чистота.

— У нас, знаете ли, нет никакой тайны, — продолжал Аркадий. — Про наш клуб пишут всякое в интернете, но мы — обычные люди. Переживаем, страдаем, ищем смысл. Философия, если хотите. Мы кто-то вроде обслуживающего персонала для себя и этого места - задумчиво произнес Аркадий.

Ян почти не слушал. Он смотрел на лица вокруг себя — ни одного знакомого по ориентировкам, ни единого, кто подходил бы под описание бродяги с жёлтыми зубами. Все улыбались слегка, но так, как улыбаются на похоронах: уважительно, без искренности, с намёком на сочувствие.

— Мы обсуждаем жизнь, — пожал плечами Аркадий. — Кто-то приходит, чтобы просто поговорить. Кто-то — чтобы выпить чай и не быть дома одному. Иногда помогаем друг другу — знаете, как в клубах анонимных. Поддерживаем. Я тут лично уже довольно давно.

— Ночью здесь бываете?

Кто-то из женщин хихикнул:

— Мы же не секта, у нас нет ночных бдений. После восьми все расходятся, здесь пром-зона, освещения никакого. Да и холодно. А сухие пряники и хлеб не особо располагают к долгим душевным беседам.

Ян это отметил: не обманули – по расписанию клуб действительно закрывался в восемь. Не было и бродяги с жёлтыми зубами, ни единого человека, подходящего под такое гротескное описание, как из фильма ужасов.

В течение двадцати минут Ян обошёл их всех, меняя стиль общения – от официального тона до дружеской беседы. Они отвечали охотно или притворялись вежливыми и жаждущими помочь расследованию. Ничто не выдавало даже скрытой агрессии: ни срывов голосов, ни дрожи рук. Все словно пришли сюда за пряниками, а не за ритуальным мясом. Ян чувствовал себя чужаком в этом аквариуме, где вместо рыб были непонятные личности с ещё более непонятными мотивами.

Ближе к восьми Аркадий объявил конец – кто не помогает собирать посуду и убираться, свободен. Ян поднялся с остальными, но у дверей зала застыл, будто стряхивал пыль с пальто, и прислушался. Слышались глухие удары кастрюль, сдержанный смех, затем двери хлопнули одна за другой. Через пятнадцать минут подвалы опустели.

Он поднялся наверх, попрощался со всеми и сделал вид, что возвращается к машине. Спустя некоторое время, когда все разошлись, Ян вернулся к двери, аккуратно вскрыл замок и тихо спустился в глубь подвала. Там стояла вязкая тишина, лишь изредка потрескивала труба под потолком.

В главном зале – абсолютная тишь, да гладь : столы сложены, посуда убрана, пол все так же сиял чистотой без единой крошки. В углу валялись пустые коробки, в одной – скомканный целлофановый пакет, на который были навалены листовки.

Ян еще раз осмотрелся, не увидел ничего нового или подозрительного и уже собирался уходить, когда из глубины раздался короткий металлический щелчок. Не со стороны главного входа.

Ян замер. В дальнем конце технического коридора, за старыми баками, открылась низкая железная дверь, которую он раньше принял за часть стены. С этой стороны у неё не было ручки — только ржавый засов и узкая щель у пола. Служебный вход. Или выход. Тот самый, которым вряд ли пользовались посетители клуба.

В комнату вошёл бродяга.

Пальто, шарф, огромная спина, тяжёлая походка. В руках он нёс не чёрный пакет, а старую брезентовую сумку и несколько банок, завернутых в тряпьё. Нёс осторожно, почти бережно, как несут вещи, которые нельзя уронить.

Ян отступил за бак и заставил себя не дышать.

Бродяга положил сумку на металлический стол с желобками по краям, развязал ремни и начал доставать содержимое.

Он сортировал.

Банка с мутной жидкостью. Маленький свёрток, перевязанный ниткой. Ещё один. Потом что-то серое, завернутое в марлю. Каждый предмет он сверял с отметками на стене и раскладывал по ржавым противням.

— Лучшее — туда, — бормотал он. — Остальное — вниз. Лучшее — туда. Остальное — вниз. Держится. Пока держится.

Он взял один свёрток и положил его на край отверстия в бетонной плите.

Темнота внутри дыры шевельнулась. Не сильно. Как человек, который почувствовал запах еды, но ещё не открыл глаза. Ян сжал зубы и затаил дыхание, чтобы не выдать себя.

Потом бродяга сгрёб с противня тёмные куски, уже пустые, будто высосанные, и бросил их в люк под стеллажом. Где-то в глубине они ударились о бетон, потом раздался влажный плеск.

Это были не те останки, что нашли на Старой Братиславской. Это было то, что оставалось после кормления. Бродяга протёр стол тряпкой. Долго. Тщательно. Как санитар после процедуры.

Потом подошёл к стене. Только теперь Ян увидел всё целиком.

Треугольники. Десятки. Внутри каждого — дверь. Где-то закрытая. Где-то приоткрытая. Где-то почти распахнутая. У некоторых стояли даты. У других — короткие отметки: «удержано», «срыв», «замещение», «смотритель отсутствует».

На одной старой металлической пластине ещё читались буквы:

N.A.

ОБЪЕКТ П-17

КЛАПАН ПАМЯТИ

НЕ ВСКРЫВАТЬ БЕЗ ИНЖЕНЕРА

КОНТРОЛЬ НАРУШЕН

Ян почувствовал, как внутри стало холодно. Это не было культом. Культ поклоняется. Здесь обслуживали.

Бродяга провёл пальцами по одному из свежих знаков. Дверь внутри треугольника была приоткрыта совсем немного.

— Держится, — прошептал он. — Я же кормлю. Я же стараюсь.

Из отверстия донёсся влажный глухой шорох.

Бродяга вздрогнул, как от окрика.

— Знаю, — сказал он быстро. — Мало. Хороших мало. Все пустые стали. Не питательные. Но я найду. Я найду лучших.

Он вытащил из кармана маленький предмет, завернутый в вату. Развернул.

Ян перестал дышать. На ладони бродяги лежал человеческий зуб с серой пломбой. Тот самый, который Ян видел под мостом, который криминалисты при нём подняли пинцетом, запечатали в пакет и увезли как вещдок. Зуба не должно было быть здесь.

Бродяга положил его на край отверстия. Темнота втянула зуб без звука. Он закрыл глаза. На лице проступило облегчение.

И страх.

Ян не двигался. Слушал. Где-то капала вода — методично, как метроном. Только когда шаги в коридоре окончательно стихли, а та потайная дверь хлопнула и тишина снова стала плотной, почти осязаемой, он сделал шаг к стене.

Отверстие в стене было шириной с человеческую голову — края неровные, будто выдолблены второпях, крошка ещё не осела на полу. Из дыры тянуло сыростью, прелой землёй и чем-то ещё — не запахом даже, а скорее ощущением: так пахнет мясо, которое ещё не протухло, но уже перестало быть пригодным для потребления.

Ян поднёс телефон к отверстию. Луч фонарика ушёл вниз и растворился — не упёрся в стену, не отразился от поверхности, а просто исчез, как будто темнота здесь была осязаемой и поглощала свет. За тонким слоем кирпича начиналась не комната — скорее шахта, древняя выработка, уходящая глубоко под фундамент подвала. Стены там были мокрые, покрытые чем-то тёмным, похожим на плесень, но слишком равномерным, слишком цельным для плесени. Точнее разглядеть было сложно, темно, фонарик на телефоне справлялся плохо. Но одно было понятно точно — что-то в этой чёрной глубине ворочалось, смещалось, дышало с влажным, тяжёлым присвистом.

Потом из темноты высунулась морда.

Не звериная — у зверей есть форма, симметрия, хоть какая-то логика строения тела. Но не в этом случае, это было чем-то иным: сгусток, слепленный из разных частей. Шерсть или волосы — не понять, слипшиеся, торчащие во все стороны клоками. Кожа там, где она вообще была, казалась серой и болезненной, с силой натянутой поверх неправильных углов.

Вместо глаз — два бледных пятна, почти белых, обведённых слизью, как гноящиеся раны. Они не отражали свет фонарика — они его гасили. Пасть открылась медленно и показалось, что челюсть держалась на чём-то, что не было мышцами. Внутри — зубы: мелкие, жёлтые, как старая засохшая кость, их было слишком много, и они росли неровными рядами. Некоторые шевелились сами по себе. Словами этот кошмар было не передать, Ян мог только пытаться осознать ужас, который пробрал его до самых костей.

И всё же самым страшным были не зубы, а голоса.

Когда пасть открылась, Ян услышал не рычание. Он отчетливо услышал голоса.

— Я не успел ей сказать...

— Прошу не надо...

— Я должен был...

— Не забудьте...

— Меня звали...

Голоса звучали один поверх другого, стираясь, как записи на старой плёнке.

Мясо было не едой. Лучшие куски уходили сюда не потому, что существо было голодно мясом. Оно тянулось к тому, что ещё держалось внутри: к голосу, страху, имени, памяти.

Бродяга кормил его грубо — вырывая из людей органы, в которых память держалась крепче всего. Глаза, уши, пальцы, зубы. То, чем человек видел, слышал, касался, говорил, жил.

Именно поэтому трупы были неполными. Именно поэтому не все части попадали в пакеты.

Ян отпрянул. Телефон ударился о бетон, луч метнулся по потолку. Он поднял его не сразу — пальцы не слушались, ладони были мокрые. Всё в нём требовало одного: бежать, немедленно, не оглядываясь. Но ноги застыли, будто приросли к полу, и глаза — против воли, против всякого инстинкта — снова искали это отверстие в стене.

Существо в пальто, бродяга, было только курьером. Руками, которые носят пакеты и открывают двери. Настоящее, древнее зло жило здесь — в этой дыре, сырости, в этом запахе, который теперь уже не выветрится из памяти.

И тогда всё встало на место. Аркадий с его ровным голосом и пустыми глазами. Женщины, которые пили чай и не задавали лишних вопросов. Клуб был не прикрытием — он был периметром. Живой изгородью из обычных людей, которые, может, и не знали всего, но чувствовали достаточно, чтобы не смотреть в ту сторону. Нормальная жизнь вокруг кратера, который в любой момент мог извергнуть в мир смерть. Свет в окнах над пропастью.

Ян попятился в темноту коридора, не поворачиваясь спиной к отверстию. Сердце билось так, что каждый удар отдавался в скулах, и больно бил по перепонкам в ушах. На лестнице он наконец побежал — цепляясь за перила, спотыкаясь о ступени, — и всю дорогу наверх за спиной тянулся этот звук: влажный, сосущий, ритмичный, как жевание, — с которым что-то огромное и терпеливое устраивалось поудобнее в своей норе.

Часть 5. Выбор всегда есть

Он вылетел на улицу. Ветер ударил в лицо, отрезвляя. Ян пересёк двор быстрым шагом, не оглядываясь.

У дороги, у ржавой сетки-рабицы, кто-то стоял.

Ян замедлил шаг. Фигура была неподвижна — громоздкая, сутулая, в потрёпанном пальто. Та самая. С жёлтыми зубами, которые сейчас были скрыты в тени, но он знал — они там. Бродяга не двигался. Просто смотрел. В одной руке он держал пустой пакет, сложенный аккуратным квадратом, как носят хозяйственные сумки, а не орудия преступления.

Они стояли друг напротив друга — следователь и курьер — разделённые полосой грязного снега и светом единственного фонаря. Ян сунул руку в карман, где лежал телефон. Бродяга заметил это и медленно, почти лениво покачал головой: не надо.

Потом он развернулся и пошёл прочь — не в сторону котельной, а в темноту, к мосту, где ждала его нора с детской туфелькой и зарубками на стене. Через несколько шагов он растворился в метели, как будто его и не было.

Ян выдохнул. Из рта вырвался пар и его тут же унесло ветром.

Ян шагал сквозь метель куда глаза глядят. Его трясло, губы болели от мороза и страха. Клуб остался позади, но даже здесь, в холоде, ему казалось, что всё ещё чувствует глаз на затылке, как будто вся промзона теперь смотрит только на него. Он свернул за угол, нашёл ближайший бар и зашёл внутрь. Освещение резануло глаза, пахло уксусом и дешёвым спиртом, но сейчас это было единственное место, где можно спрятаться. Бармен поднял глаза.

— Что?

— Виски. Двойной. Со льдом.

Бармен молча поставил перед ним стакан. Ян выдохнул, прижал холодный стакан ко лбу, будто виски могло выжечь то, что он видел сегодня. В горле защипало, но внутри — пусто. Внутри Ян был полностью опустошён, там остались только страх и непонимание. Он не мог решить: звонить в отдел, пытаться что-то донести до шефа и снова услышать — “Смирнов, ты мне тут сказки не рассказывай, мы не в цирке”, — или забиться в эту дыру и просто пить до утра, чтобы попытаться забыть, в надежде, что утром это окажется ночным кошмаром. Ему никто не поверит.

Он достал телефон. Фотографии из подвала были на месте. На первый взгляд.

Но на тех кадрах, где должны были быть знаки, виднелась просто стена. На снимке отверстия — тёмное пятно, похожее на плесень. Пластина с буквами N.A. вышла белым прямоугольником, засвеченным так, будто Ян фотографировал лампу.

Он открыл блокнот. Страница, где он зарисовывал знак, была чистой. Не вырванной. Не зачёркнутой. Чистой. Только в самом углу проступал слабый контур треугольника. Бумага вокруг него была влажной. Ян попытался набрать Полякова. Гудки шли долго.

Потом в трубке ответили. Но это был не Поляков.

Сначала — влажное дыхание. Потом тихий скрежет, как если бы кто-то водил зубом по стеклу. И только потом голос начальника:

— Ян? Ты где?

— Шеф?

— Ян, ты где? — повторил голос.

Слишком ровно. Слишком близко. Ян медленно опустил телефон. На экране вызов уже был завершён. В блокноте, на чистой странице, проявлялись слова. Не чернилами. Будто бумага темнела изнутри.

ПОЛЯКОВ А. В.

САШКА.

ЖАННА.

ОТДЕЛ.

СВИДЕТЕЛИ.

Ниже — знак треугольника. Дверь внутри была приоткрыта. Ян закрыл блокнот. Руки у него не дрожали. И это пугало ещё сильнее. Он понял правило.

То чудовище в стене не боялось. Оно записывало тех, кто подходил слишком близко. Кого бы Ян не привёл туда, станет не подкреплением, а новым списком. Поляков. Сашка. Эксперты. Понятые. Все, кто увидит, но не поймёт. Все, кто попытается войти туда с оружием, протоколами и фонариками.

А если Ян уйдёт и забудет — бродяга продолжит искать «лучших». Через неделю, месяц, год. Снова парк. Снова мост. Снова человек, который поверит в больную дочь, замёрзшую мать, потерянного ребёнка.

Он опять вспомнил то старое дело в подвале школы.

Тогда тоже были следы, которых утром не оказалось. Записи, исчезнувшие из базы. Свидетели, уверявшие, что ничего не слышали, хотя Ян сам стоял рядом с ними в коридоре и слышал крики.

Все забыли. Кроме него. Теперь он понял почему. Некоторые места не скрываются. Они стирают края вокруг себя. Ян допил виски.

За окном, на другой стороне улицы, снова стоял бродяга. Он не звал. Не угрожал. Просто ждал.

И Ян вдруг понял: возвращаться — не храбрость. И не безумие. Это единственный способ попытаться спасти тех, до кого эта тварь ещё не добралась.

Он оставил деньги на барной стойке и вышел. Метель немного стихла. Город стал спокойным, стеклянным, будто его накрыли крышкой и плотно закрыли.

Через двадцать минут Ян снова стоял у входа в котельную.

Теперь он не прятался. Он спускался в подвал открыто, как входят в дом, где тебя ждут. Ян сразу прошёл в техническое помещение.

Теперь он увидел планировку отчётливо — так, как не увидел в первый раз, когда прятался в темноте и боялся дышать. За дверью начинался узкий коридор, заставленный старыми ржавыми трубами и пустыми баками. Он вёл в просторную комнату с низким потолком — ту самую, где стоял стол с желобками по краям. Вдоль стен тянулись стеллажи с инструментами и банками. В дальнем конце комнаты, за грубой фанерной перегородкой, скрывался закуток, и именно там, у бетонной стены, находилось отверстие — плита с дырой, уходящей в толщу камня. Края отверстия были оплавлены, заглажены чем-то, что не было ни огнём, ни кислотой. Из дыры сочился слабый зеленоватый свет.

Чуть левее, под одним из стеллажей, чернел люк в полу — тяжёлый, чугунный, с притёртой крышкой. Именно туда бродяга спустил пакет с отходами. Люк вёл в ту же шахту, что и отверстие в стене, но гораздо глубже — туда, где уже не было ни света, ни звука. Два входа в одно пространство. В отверстие складывали подношения — то, что должно быть принято. В люк сбрасывали то, что должно быть сокрыто.

Котельная была не логовом. Она была местом кормления. Под мостом людей разбирали на части, а здесь город избавлялся от того, что не хотел помнить.

Ян подошёл к плите и опустился на одно колено, как на месте преступления, когда нужно рассмотреть след под правильным углом. И только через секунду понял, что со стороны это выглядит так, будто он молится. Ян сразу же попытался встать, но уже не смог.

Второе колено ударилось о бетон само. Пол под ним на мгновение стал мягким, провалился и сам поставил тело в нужное ему положение.

— Нет, — сказал Ян.

Из отверстия потянуло холодом. Не морозным. Глубинным. Темнота внутри шевельнулась.

Голосов больше не было. Только вибрация, проходившая через всё тело одной сплошной волной. В ней не было слов, но смысл был ясен.

Уйти. И всё останется как прежде.

Остаться. И узнать правила.

Ян сжал кулак.

— Покажи.

Из темноты вытянулась рука.

Не человеческая. Слишком длинная, с множеством суставов. Пальцы разветвлялись, как корни.

Он должен был бежать, прямо сейчас, но остался стоять на коленях и уже не пытался встать. Дело было не в страхе, а в том, что теперь он должен идти до конца. Узнать правду.

Пальцы коснулись его виска. И Ян увидел.

Двенадцать лиц.

Все, кого он вписал утром в таблицу. Марина Л. Волонтёр. Карасёв, шестнадцать лет. Мусаев, работал в больнице. Остальные. Люди, которые исчезали в конце года, когда город был слишком занят мандаринами, салютами, скидками и похмельем.

Он увидел бродягу, но не сразу таким. Сначала — сторож котельной. Потом — помощник при клубе. Потом — человек, которому однажды сказали: «Инженер не придёт, держи как можешь». Он держал. Месяц. Год. Два. Потом он начал кормить.

Сначала крысами. Потом найденными мертвецами. Потом теми, кого «всё равно никто не хватится». Потом лучшими. Живыми. Пустота не требовала ножа, потому что нож придумал человек.

Она питалась памятью — тем, что остаётся после человека, когда тело уже перестаёт быть человеком. Голосом. Именем. Последним страхом. Последней просьбой. Лицом, которое кто-то ещё может узнать. Следом, который держится в чужой голове хотя бы день, хотя бы час.

Бродяга добывал это грубо.

Но был другой способ. Старый. Тихий. Почти протокольный. Можно было не убивать.

Можно было находить тех, кто и так скоро умрёт, и о ком никто не вспомнит после смерти. Человек, который умирает один, оставляет после себя слабый след. Если этот след зафиксировать, дать ему имя и адрес, Пустота возьмёт его вместо плоти.

Ян попытался отвернуться, но видение держало его. Он увидел, что будет, если он откажется.

Бродяга снова выйдет под мост. Или не бродяга — другой. Аркадий. Кто-то из клуба. Или из коллег Яна. Пустота всегда находит руки, если оставить дверь открытой.

Рука отодвинулась. Вместо неё из отверстия показалось что-то другое — маленькое, влажное, тускло блестящее. Человеческий зуб. С серой пломбой. Тот самый, что он видел под мостом. Он лежал на ладони тьмы не как подношение, а как ключ и как знак назначения. Ян протянул руку. Пальцы дрожали, но он заставил их сжаться. Зуб был тёплым.

Где-то глубоко в стене тварь утробно вздохнула — и затихла. Свет в отверстии погас. Тишина стала полной, абсолютной, как в склепе.

Колени сильно болели, но это было хорошо, значит они ещё принадлежали ему. Он положил зуб в карман пальто, туда же, где лежал блокнот. Ян вышел из котельной, не оборачиваясь.

Эпилог. И все встало на круги своя

Через два дня он сидел в своём кабинете и просматривал сводки. Дело не закрыли. Оно начало вязнуть. Так бывает с делами, которые не хотят умирать и не хотят жить.

Камеры у парка за тридцать первое декабря оказались повреждены. Не все — только те две, которые смотрели на тёмную полосу между фонарями. Фотографии из подвала котельной сохранились, но на них не было ни знаков, ни отверстия в стене, ни металлической пластины с буквами N.A. Только сырой бетон, трубы и размазанное пятно света.

Сашка, как обычно, делал вид, что его нет. Жанна всё так же пахла лаком и ванильными сигаретами. Всё как всегда.

Зуб с серой пломбой из-под моста исчез из вещдоков. Криминалист клялся, что сам положил его в пакет и подписал. Потом перестал клясться. Потом сказал, что, возможно, перепутал. Потом вообще не смог вспомнить, был ли зуб.

Аркадий и остальные члены «Института перехода» дали одинаковые, безупречно скучные показания. Встречались. Пили чай. Обсуждали одиночество. После восьми разошлись. О котельной ничего не знают. Техническое помещение закрыто. Ключ у арендодателя.

Арендодатель умер три года назад. Документы об аренде, естественно, были в порядке.

Бродягу не нашли. На третий день под мостом обнаружили его пальто, выпцветший шарф и ряд жёлтых зубов, аккуратно выложенных на фанерном листе. Тела не было. Крови тоже.

Поляков неделю ходил злой, потом устал злиться.

— Активная разработка, — сказал он, подписывая очередную бумагу.

На языке отдела это означало: шкаф, средняя полка, до следующего трупа.

Следующего трупа не было. Ни под мостом, ни в пакете, ни в сводках. Город успокоился, но он не знал цены этому спокойствию.

Только теперь по вечерам, когда отдел пустел и гулкие шаги коридорного патруля затихали вдалеке, Ян доставал блокнот и медленно, аккуратно, своим неразборчивым почерком вписывал туда имена. Не всех подряд. Только тех, кто и так скоро умрёт, и о ком некому будет вспомнить.

Первое имя Ян записал через девять дней.

Свиридов Пётр Семёнович, восемьдесят один год. Пансионат «Забота». Палата 5. Родственников нет. Срок — максимум неделя.

Рука дрожала. Когда он поставил точку, зуб с серой пломбой в кармане стал тёплым. Через шесть дней Свиридов умер.

Обычно. Тихо. Ночью.

Ян приехал в пансионат утром под видом проверки по другому делу. Медсестра долго листала журнал, морщилась, потом сказала:

— Свиридов?.. Не помню такого. Может, вы палату путаете?

— Пятая.

— В пятой давно один лежал. Потом умер. Или выписали. Подождите...

Она снова открыла журнал. Строка там была. Но фамилия расплылась. Он был вычеркнут из жизни.

На тумбочке у окна стояла фотография. Старик в кепке, женщина рядом, дача, яблоня. Лицо старика было мутным. Не смазанным от плохой печати. Именно пустым — как место, с которого слишком долго стирали карандаш.

— Странно, — сказала медсестра. — Я же вроде его кормила.

Она посмотрела на пустую койку. И забыла, о чём говорила.

Ян вышел на улицу и долго курил у ворот пансионата.

Ян нашёл Свиридова не случайно. После котельной он стал чувствовать такие имена. Не слышать. Не видеть. Именно чувствовать — как чувствуют перемену погоды старыми переломами.

Бродяга рубил тела. Ян вычёркивал посмертное эхо. Он не убивал. И это не оправдывало ничего.

С тех пор он записывал редко. Не всех подряд. Только тех, кого город уже почти выплюнул за край памяти.

Одна запись — один месяц тишины под городом. Иногда два. Если след был сильнее. Если человек когда-то много любил или его всё-таки кто-то помнил, Пустота ела дольше и успокаивалась глубже.

Пару раз он пытался сопротивляться, но становилось только хуже. Тьма под ногами начинала сгущаться и набирать силу, выплёскиваясь за пределы подвала котельной.

Сначала глухо, почти незаметно. Потом сильнее. В отделе мигал свет. В морге путали бирки. В парке снова перегорали две лампы между ёлками. У моста появлялись свежие следы крупной обуви, хотя бродяги больше не было.

И Ян снова доставал блокнот. Он говорил себе: так меньше крови.
Прошёл год. Потом второй.

Шло время. Ян старел. С каждым годом седины в висках становилось больше, плечи — тяжелее. Но он держался.

Однажды он поймал себя на том, что смотрит на своё отражение в тёмном окне кабинета и не узнаёт лицо. Оно было прежним — и всё же другим. Глаза впалые. Кожа бледнее. И улыбка... он не улыбался, но отражение, казалось, чуть растягивало губы — тонкой, холодной улыбкой, какой мог бы улыбаться человек в сером костюме, нанимающий сторожей на старые объекты по всему миру.

Однажды вечером Ян задержался в отделе один. За окном горели гирлянды. Город снова готовился к Новому году: мандарины, скидки, корпоративы, пластиковые ёлки у входов в магазины.

Он открыл блокнот.

На новой странице уже проступала строка. Не его рукой.

СМИРНОВ ЯН ВИКТОРОВИЧ. Срок: после замещения.

Ян смотрел на неё долго. Потом медленно закрыл блокнот. Из кармана пальто донёлся слабый стук. Зуб с серой пломбой пульсировал, как маленькое второе сердце.

Где-то далеко, под городом, Пустота ждала.

А наверху, в парке, между двумя перегоревшими фонарями, снег снова ложился ровно и чисто — так, будто ничего никогда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.